

ЭПОС «ДАВИД САСУНСКИЙ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ОТКЛИКИ)

М. Г. ДЖАНПОЛАДЯН

Знакомство русского читателя с армянским героическим эпосом «Давид Сасунский» состоялось в начале 80-х годов прошлого столетия, т. е. спустя несколько лет после того, как в 1874 г. был впервые издан один из вариантов эпоса, записанный Г. Срванцтяном¹. Этот вариант перевел на русский язык Г. Халатьянц, опубликовав его в 1881 году в Санкт-Петербургском журнале Министерства народного просвещения под названием: «Давид Сасунский (армянский народный эпос)»². Текст был снабжен предисловием и примечаниями переводчика, и в этом смысле публикация Г. Халатьянца стала своего рода «презентацией» армянского эпоса в русской среде не только в литературно-художественном, но и в научном плане.

Г. Халатьянц в своем исследовательском слове о переведенном им варианте обрисовал основные его особенности (наличие мифологических черт, наслоений, исторических и эпических элементов, отражение народных представлений и верований и др.) и определил как «былину в прозе или героическую поэму». Развивая мысль Г. Срванцтяна о сходстве сюжета первой главы эпоса с библейским рассказом о царе Синахариме и его сыновьях, он привел аналогичные отрывки из Иосифа Флавия, а также трудов армянских историков Мовсеса Хоренаци, Говмы Арцруни — и высказал предположение, что «поэма, по крайней мере, в основе своей, заимствована из названных источников»³.

¹ Չ. Սրվանճյան, Գրոց արոց և Սասնոցի Գալիոն կամ Մեկրի որս. Չ. Պոլիս, 1874: в 1875 г. вариант Г. Срванцтяна целиком привел К. Патканов в своей книге на русском языке «Материалы для изучения армянских наречий» (СПб. вып. 2) как образец мушского диалекта. Фактически это было первое упоминание об армянском эпосе на русском языке. Труд К. Патканова, однако, имел узко лингвистическую направленность и адресовался владеющим армянским.

² Примечательно, что данная публикация привлекла внимание и армянской общественности. Газета «Мегу Айастан» поместила рецензию, в которой приветствовался этот первый опыт перевода на русский язык армянского эпоса. «Желательно чаще видеть подобные материалы, которые могут познакомить русских читателей и специалистов с прекрасными образцами армянской народной литературы», — писал автор. Заметка подписана инициалом М. (очевидно, Мянс Берберян). См. «Мегу Айастан», 1881. 8 декабря, № 256.

³ Давид Сасунский (армянский народный эпос). — Журнал Министерства народного просвещения, СПб, 1881, ноябрь, с. 53. (В дальнейшем при повторных ссылках на это и другие цитируемые издания страницы указываются в скобках в самом тексте). В современном армянском эпосоведении этот тезис Халатьянца откорректирован: речь, скорее всего, идет не о заимствовании, а об отголосках книжных преданий, своеобразно трансформировавшихся в народном сознании. См. Л. Мкртчян. Героико-патриотический эпос армянского народа, в кн.: Давид Сасунский, Л., 1983, с. 12—14.

Останавливаясь на проявлениях мифологизма в эпосе, ученый усмотрел их и в образах эпических героев — Давида и Мгера (Младшего — М. Д.), заметив, что в Мгере, в отличие от Давида, «мифические свойства божества преобладают над богатырскими; он скорее бог, чем богатырь» (с. 54). Г. Халатьянц поставил также вопрос о целесообразности сравнительного изучения армянского эпоса и сам — как в предисловии, так и в примечаниях — провел целый ряд параллелей между армянским эпическим сказанием и русскими былинами. «Замечу мимоходом, — сказано в предисловии, — что Мгер... во многом напоминает Святогора русских былин, как Давид нашей поэмы — Илью Муромца» (с. 55). Подчеркнул Халатьянц и художественные достоинства переведенного им текста — «чудные поэтические картины», «прекрасный эпический склад речи».

В армянском эпосоведении публикации Г. Халатьянца отдают должное как первому переводу эпоса «Давид Сасунский» на русский язык. Что же касается ее научной части, то некоторые суждения автора поставлены ему в заслугу, некоторые подвергнуты критике, пересмотрены. Так, Манук Абемян, в целом сдержанно оценив предисловие к переводу («Трудно было ожидать от известного впоследствии филолога, но пока еще молодого Григория Халатьянца серьезного исследования эпоса»⁴, — писал он в 1939 году в своем библиографическом обзоре публикаций и критических работ о «Давиде Сасунском»), отметил важность таких поставленных Халатьянцем вопросов, как время возникновения эпоса; заимствование из книжных источников; сравнение с русским былинным эпосом, хотя ответы на эти вопросы считал либо неполными, либо неубедительными (с. 62). Г. Григорян высказал мысль о связи некоторых ошибочных суждений ученого с популярными в те годы теориями в фольклористике: «Подчеркнутый интерес Халатьянца к мифологическим элементам в эпосе и его неправильные представления об их проникновении в эпос и определяющей роли в характерах героев шли от мифологической школы, которая была в то время господствующей»⁵, — писал он.

Очевидно, публикация Г. Халатьянца требует сегодня более объективной оценки, с учетом следующих факторов. 1. Ученый располагал одним-единственным вариантом эпоса, и естественно, что некоторые его предположения могли не подтвердиться последующими эпическими сказаниями о сасунских богатырях. Так, говоря о времени древнейшей редакции эпоса, Халатьянц указал на первые века христианства, но ведь по одному варианту нелегко было точно определить историческую основу сказания. Примечательно, что позже автор пересмотрел эту свою точку зрения⁶. 2. Армянское эпосоведение тогда еще только зарождалось. Отсюда, может быть, некоторая неточность в терминологии у Халатьянца (так, он называет «странными анахронизмами» черты, которые составляют суть эпоса как жанра: смешение исторических эпох, имен, названий, мифических и языческих элементов с христианскими и др.) или не вполне точная научная формулировка в целом правильной мысли. В этом плане вызывает возражение вышеприведенное мнение Г. Григоряна об ошибочности халатьянцевской трактовки образов Давида и Мгера под влиянием мифологической теории. Ведь, говоря о Мгере: «Он скорее бог, чем богатырь», Г. Халатьянц выразил по сути ту же мысль, что и впоследствии И. Орбели, заметивший, что Мгер Младший — герой «в большей мере связан-

⁴ М. Абемян. Об армянском народном эпосе «Давид Сасунский» (библиография). См. Давид Сасунский. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, АрмФАН, 1939. с. 61.

⁵ Գ. Գրիգորյան, Հայ էպիկոսիկոսիայի փառաբանումը, Եր., 1981 թ., էջ 89:

⁶ См. предисловие Г. Халатьянца к публикации эпоса в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, с. 205.

ный с силами природы, с космическими силами, чем сам Давид»⁷. А Е. Мелетинский считал даже, что «образ Мгера в принципе архаичнее летописного Артавазда»⁸. З. Принципы, исходя из которых Г. Халатьянц подвергся критике, впоследствии были признаны в эпосоведении неплодотворными. Так, В. Абегиан в вопросе изучения историзма эпоса придерживался довольно распространенной точки зрения, согласно которой эпическим героям-богатырям соответствует реальные исторические прототипы. И потому, в частности, писал: «Хотя Халатьянц и подчеркивает, что в эпосе важнее часть Давида... но он не определяет его историчности» (с. 62), т. е. рассматривал последнее обстоятельство как недостаток. Между тем подобный метод изучения исторических корней эпоса был признан неверным в трудах И. Орбели⁹, А. Тертеряна¹⁰, Е. Мелетинского, который, в частности, отмечал: «В поисках однозначных прототипов в армянском эпосе проявляются основные недостатки исторической школы: непонимание емкости, масштабности художественных обобщений эпоса...»¹¹. И в данном вопросе оказался более прав Г. Халатьянц, рассматривая Давида как обобщенный образ эпического героя.

Итак, не все критические замечания в адрес Г. Халатьянца кажутся сегодня убедительными. Поэтому в его публикации следует по достоинству оценить и предисловие как первое научное слово об армянском эпосе на русском языке. Автор в целом ряде случаев верно объяснил важные вопросы, касающиеся «Давида Сасунского». Он стремился пробудить интерес у русской общественности к одному из памятников народной армянской литературы, которая, по его мнению, заслуживает внимания и «представляет обширное поле для любопытных исследований» (с. 51).

В 80-е годы эпос «Давид Сасунский» попал в поле зрения и русских ученых-фольклористов, стал привлекаться в качестве материала для научных гипотез. Так, Всеволод Миллер в статье «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам» (1883) выдвинул свою точку зрения относительно того, почему греки избрали местом наказания Прометея Кавказ: «вследствие сношений с Кавказом греки могли услышать там предания о прикованном к скале великане и увидеть в то время и самого Прометея»¹² (статья о Кавказе, по мысли Миллера, могла появиться позднее, когда миф уже сложился). В числе распространенных на Кавказе различных преданий о прикованных к скалам героях-великанах автор приводит и армянские предания — об Артавазде, Шидаре и Мгере (с. 107—109)¹³.

⁷ И. Орбели. Армянский героический эпос, Ереван, 1956, с. 83.

⁸ См. указанную статью Л. Мкртчяна, с. 17—18.

⁹ И. Орбели, указ. соч., с. 62—64.

¹⁰ Ա. Տերտերյան, «Սասունի Դավիթ» հազարամյակը, տե՛ս «Սասունի Դավիթ», ժողովածու Գլխավոր էջերի հազարամյակին, Եր., 1989 թ., էջ 18:

¹¹ Е. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 244—245.

¹² Вс. Миллер. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам. — Журнал Министерства народного просвещения, СПб, 1883, январь, с. 116. Статья Вс. Миллера была переведена на армянский язык и напечатана в журнале «Андес Амсорья» (Вена, 1892, № 3—4).

¹³ Эти предания были почерпнуты Вс. Миллером из книги М. Эмиля «Моисей Хоренский и древний эпос армянский» (М., 1881, на рус. яз.). Говоря о герое древнего армянского эпоса Артавазде, прикованном к скале и обреченном на бессмертие, Эмиль приводит и взятую им из вышеназванной книги Г. Срьянццяна легенду о двери Мгера, согласно которой за гладко обтесанной скалой (среди горного хребта к востоку от Ванской крепости), называемой «Дверью Мгера», пахотятся богатыри Мгер со своим конем... Эти образы армянского фольклора ученый считает своеобразными отголосками легенды о Прометее. «Легенда о Прометее у древних армян и кавказских народов заслуживает того, чтобы ее исследовали в связи

В 1889 году со статьей об армянском эпосе выступил Николай Марр. В «Записках Восточного отделения императорского русского археологического общества» он поместил рецензию на новый вариант эпоса, записанный М. Абегином. Ее текст показывает, что автор был знаком как с вариантом Г. Срванцьяна, так и с древним армянским эпосом, образцы которого были приведены в книге Мовсеса Хоренаци «История Армении» (книга эта в русском переводе М. Эмина вышла в свет в 1858 г.). Рецензия интересна именно тем, что вариант Абегиана рассмотрен в сопоставлении с известным русскому ученому армянским фольклорным эпическим материалом — древним и новым.

Н. Марр оценивает записанный М. Абегином сказ «как редкий памятник армянского народного творчества вообще и в частности — как вариант известных сказаний о сасунских героях»¹⁴, подчеркивая, что благодаря абегиановскому тексту можно составить более определенное представление об армянском эпосе. «Достаточно сказать, — пишет он, — что мы теперь только узнаем, что район распространения рассказов не ограничивается Мушской областью, как можно было заключить по труду Срванцьяна (записанный М. Абегином вариант сказывался на мокском диалекте — М. Д.), и число героев, вокруг каждого из коих сгруппированы рассказы доходит до сорока» (с. 414). Кроме того, Н. Марр выделил такую важную черту абегиановского сказа, как сходную с древними армянскими эпическими образцами манеру повествования: «Текст, записанный г. Абегианом, ценен и в том отношении, что он представляет обработку сказания в своеобразной народной стихотворной форме, и, если напоминает что-либо своєю формою, так скорее всего древнюю народную армянскую же поэзию, к сожалению, только в отрывках сохранившуюся у некоторых армянских историков» (с. 415). Заметим, что вариант Срванцьяна не давал возможности для подобного наблюдения, поскольку был в основном прозаическим. Ученый поставил вопрос (М. Абегиан в упомянутом библиографическом обзоре подчеркнул его новизну и важность) о связи между древним армянским эпосом и «Давидом Сасунским» и в плане содержания, т. е. общности некоторых мотивов. И хотя он заметил, что данный вопрос не может быть серьезно изучен, «пока собрание армянских устных преданий не лишится своего любительского и случайного характера», тем не менее, по мнению автора, и на основе уже известного фольклорного материала «сами собой напрашиваются» некоторые сопоставления, «как, например, заключение проклятого отцом Мгера в скалу и подобная же участь Артавазда» (с. 415).

Н. Марр охарактеризовал варианты о Давиде Сасунском как «во многих отношениях ценные героические сказания» (с. 416). Он выразил беспокойство по поводу того, что эти варианты так и могут уйти вместе со сказителями, подчеркнул необходимость их записи и публикации.

В 1897 году в Москве под редакцией Г. Джаршиева вышел в свет благотворительный литературно-научный сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», получивший большой общественный резонанс. Здесь был помещен вышеназванный перевод Г. Халатьянца¹⁵ с незначительными редакторскими правками и заново написанным предисловием. Автор сообщал сведения об издании новых вариантов армянского эпоса и на их материале уже по-иному ставил во-

с греческим сказанием». — замечает он (с. 78). Возможно, наблюдение М. Эмина и послужило отправной точкой для создания миллеровской статьи.

¹⁴ «Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества», вып. IV, СПб. 1889, с. 414. Рецензия Н. Марра была перепечатана в сборнике: «Давид Сасунский». Изд. Тбилисского университета, 1939, с. 87—91.

¹⁵ «Братская помощь...» была переиздана в 1898 году. В этом издании опущены две первые главы из варианта Г. Срванцьяна как не имеющие, по словам Г. Халатьянца, прямого отношения к герою сказа Давиду.

прос о времени его возникновения: «Сама поэма, по крайней мере, в основе своей, относится, как я полагаю, ко времени едва ли не позднее XI—XII веков»¹⁶. Эта датировка Г. Халатьянца также не подтвердилась в армянском эпосоведении, но, безусловно, он более приближался к истине, связывая сложение эпоса со средними веками. Пересмотрел ученый и свой взгляд на роль книжных источников в формировании основы эпоса: «Следует заметить, — писал он, — что, несмотря на встречаемые во вступлении поэмы некоторые библейские отголоски и связь имени одного из ассирийских царевичей (Санасара) с названием области Сасун, — мы, однако, ничего ассирийского и библейского не находим в ней» (с. 206). Далее автор ведет свое исследование в сравнительном плане, пытаясь доказать «влияние иранского эпоса на народные армянские сказания, в частности, на «Давида Сасунского». Использовал Г. Халатьянец и русско-иранские параллели из книги В. Миллера «Экскурсы в область русского эпоса» (М., 1892), где ставился вопрос о влиянии иранского эпоса на русский. Однако приводимые Халатьянцем примеры («Подобно иранскому Рустему, эпическому прототипу и русского, и армянского национальных богатырей, — Давид также обладает неимоверной физической силой; ...также ест и пьет больше других богатырей; ...отличается высокими нравственными качествами; ...тоже имеет лишь одного сына» — с. 206—207) являлись по сути доказательством не влияния, а сходства, т. е. общности эпических мотивов, которые могли появиться у разных народов и независимо друг от друга.

Версию о связи армянского и иранского эпоса и о влиянии последнего на армянский эпос активно выдвигал на страницах русских изданий начала века другой ученый-фольклорист, однофамилец Григория Халатьянца — Баграт Халатьянец. В своих работах он пишет о смешении армянских и иранских эпических сказаний, о некоторых вариантах армянского эпоса, где иранские богатыри находятся в родственных связях с сасунскими эпическими героями (эти варианты приведены в статье «Иранские богатыри в среде армянского народа»). Но само по себе наличие последних — еще не основание для вывода Б. Халатьянца о том, что «некоторые черты иранских пехлеванов наслонились на армянских богатырей и прежде всего на Мгере, которого образ и подвиги во многом напоминают Бурзе»¹⁷. В целом влияние иранского эпоса на армянский могло иметь место в силу вековой взаимосвязанности двух народов, но оно должно было быть доказанным не теми примерами, которые приводит Б. Халатьянец (см. с. 119—120 названной статьи), поскольку примеры эти являются аналогиями того же типа, что и у Г. Халатьянца. «Все примеры сопоставлений, приводимые Халатьянцем (можно было бы сказать: Халатьянцами—М. Д.) для доказательства иранского влияния на поэму, — писал М. Абебян в своем библиографическом обзоре, — являются общераспространенными эпическими образами, на которых нельзя исключительно основывать свои выводы» (с. 80). В вопросе определения влияний, заимствований в произведениях народного творчества следует, на наш взгляд, исходить из плодотворного тезиса И. Орбели: «Чтобы решить вопрос о заимствовании... необходимо убедиться в том, что подражность, кажущаяся заимствованием, не могла возникнуть самостоятельно и независимо, особенно если берется какой-нибудь изолированный факт» (с. 137).

В армянском эпосоведении гипотезы о влиянии иранского эпоса не получили дальнейшего распространения. Как отметил Г. Григорян, «эта теория не нашла в Армении почвы для развития и умерла сразу же после ее зарождения» (с. 55—56).

¹⁶ «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», М., 1897, с. 205.

¹⁷ Б. Халатьянец. Иранские богатыри в среде армянского народа. — «Этнографическое обозрение». М., 1900, с. 119.

Заметим, однако, что, несмотря на необоснованность некоторых гипотез, публикации армянских фольклористов способствовали популяризации эпоса «Давид Сасунский» в русских читательских кругах. В этом плане выделяется статья Б. Халатьянца «Общий очерк армянского богатырского эпоса». Опубликованная в «Юбилейном сборнике в честь Всеволода Миллера», авторами которого были известные фольклористы, этнографы, историки литературы, — статья эта вывела армянский эпос на более широкую научную орбиту. «Мы здесь лишь наметили себе целью, — писал автор, — изложить в сжатом виде содержание армянского богатырского эпоса (мало или почти неизвестного русским ученым этнографам)»¹⁸. И на основе изданных к 1900 году вариантов Б. Халатьянц вкратце пересказал эпос по ветвям: «Саснасар и Аслимелик», «Мгер (Старший)», «Давид», «Мгер (Младший)». Это была своего рода первая попытка составления сводного текста эпоса. Во вводной части публикации, которая адресовалась не столько широкому читателю, сколько ученым-фольклористам, впервые на русском языке сообщались сведения о том, как исполняется армянский эпос: о характерных присамах сказителей; о поминовениях, предшествующих каждой части эпоса; о песнях в эпосе, их содержании и художественной роли; о самой манере повествования — «небольшими, как бы размеренными предложениями, так что почти в каждой строке заканчивается какая-нибудь мысль; вследствие чего речь местами сама собою укладывается в стихи, а в некоторых случаях явственно слышится даже размер» (с. 57).

Таким образом, в русских периодических, научных и литературно-публицистических изданиях двух последних десятилетий XIX века и начала века XX эпос «Давид Сасунский» был представлен переводом одного из вариантов; пересказом общего содержания известных к тому времени вариантов; отдельными статьями армянских и русских ученых-фольклористов, в которых затрагивались вопросы научного характера, касающиеся как собственно армянского эпоса, так и его осмысления в сравнении и сопоставлении с эпическим творчеством других народов. Эти публикации, конечно, сыграли свою определенную роль в ознакомлении русского читателя с армянским эпосом, в пробуждении научного интереса к нему. Но они не давали целостного представления о «Давиде Сасунском» как о художественном явлении. В этом плане своего рода этапным можно считать 1916 год, ознаменовавшийся выходом в свет антологии «Поэзия Армении», где в переводе Валерия Брюсова под названием «Давид Сасунский» был помещен записанный М. Абегианом вариант армянского эпоса «Давид и Мгер». В том же году вышла в свет первая художественная обработка армянского эпоса на русском языке: поэма Александра Кулебякина «Дверь Мехера».

В газете «Мшак» от 26 февраля 1916 года была напечатана заметка под названием «Литературная новость», где говорилось: «Русский генерал Кулебякин во время своей поездки по Васпуракану изучил армянские легенды и, в частности, легенду о «Давиде Сасунском и двери Мгера». Используя как распространенные в народе устные легенды, так и вариант «Давид Сасунский и дверь Мгера» (Г. Срванцтяна), который перевел на русский язык покойный Г. Халатьянц, генерал Кулебякин написал поэму на русском языке «Дверь Мехера. Ванская легенда». Узнав об этом прекрасном поэтическом труде от Смбата Тер-Аветисяна, который привез с собой рукописное произве-

¹⁸ Б. Халатьянц, Общий очерк армянского богатырского эпоса. См. «Юбилейный сборник в честь Всеволода Миллера». М., 1900, с. 56.

жение генерала Кулебякина, и принимая во внимание, что этот поэтический труд может дать русской общественности возможность «глубоко понять и почувствовать, — как пишет сам автор, — красоту поэзии, порожденной этой многострадальной страной», Комиссия по восстановлению Армении решила издать на свои средства это прекрасное произведение генерала Кулебякина». Сообщалось также, что в одном из ближайших номеров газета опубликует предисловие автора к своей поэме (предисловие было напечатано в «Мшаке» от 16 марта 1916 г.).

Эта же заметка в переводе на русский язык была помещена и в издаваемом в Москве журнале «Армянский вестник»¹⁹. Появление в периодической печати и на армянском, и на русском языках сообщений о предстоящем издании книги Кулебякина было обусловлено, скорее всего, не столько литературными достоинствами его произведения, сколько значимостью самого факта: русский генерал, сражающийся на фронтах Западной Армении и глубоко воспринявший ее трагедию, — проявляет живой интерес к культурным ценностям армян, вдохновляется их народным творчеством, создает на основе древней легенды собственное произведение. Это не могло не стать для армян определенной духовной поддержкой. И естественно было стремление сделать написанное А. Кулебякиным достоянием широкого читателя.

К чести армянского Комитета «Верашинютюн», книжка Кулебякина издана превосходно. Тщательно продумано художественное оформление — с графическими иллюстрациями, заставками; суперобложка книги — цветной рисунок с изображением древнего памятника — вырубленной в скале «Двери Мгера» с клинописными знаками на ней, а у двери стоит пастух, поджидающий, согласно легенде, выхода Мгера из скалы... Название поэмы А. Кулебякина «Дверь Мехера» дано в верхней части обложки буквами, стилизованными под клинописные знаки (что подчеркивает древность сюжета), а с левой стороны обложки, сверху вниз, уже обычными буквами, напечатано название цикла стихотворений, составившего второй раздел книги — «Отзвуки Вана». Эти стихи, проникнутые чувством горячего сострадания к трагедии армянского народа, Кулебякин написал как очевидец событий в Западной Армении в годы первой мировой войны (по его свидетельству, он находился в Ване с ноября 1915 по март 1916 года). Само название цикла — «Отзвуки Вана» — как бы тематически связывало оба раздела книги — древний сказ о деяниях армянских эпических героев и сегодняшнюю военную действительность. Дыханием дней войны веяло и с первой страницы книги: в ее середине крупным шрифтом была напечатана выписка из протокола заседания Комитета «Верашинютюн», где, в частности, говорилось: «...Издать поэтическое произведение генерала А. П. Кулебякина в количестве 3000 экземпляров и весь доход обратить в пользу пострадавших от войны». Таким образом, книга Кулебякина была благотворительным изданием, и это, безусловно, придавало ее выходу в свет общественное звучание.

А. Кулебякина как автора поэмы по мотивам армянского эпоса, конечно же, непосредственно вдохновил воочию увиденный им древний памятник — скала, называемая «Дверь Мгера» («А судьбу благодарю за то, что она дала мне возможность самому увидеть величественную дверь, за которой безмолвствует тайна легенды»²⁰, — писал он в предисловии к поэме) и те устные предания, которые слышал он об этом памятнике. Но его поэма была в основном создана на материале письменных источников. Кулебякин был осведомлен о публикациях вариантов армянского эпоса. «В армянской печати имеются следующие варианты легенды о Давиде и Мгере», — пишет он в примечаниях к

¹⁹ «Армянский вестник», М., 1916, № 7, с. 20.

²⁰ А. Кулебякин. Дверь Мехера. Отзвуки Вана. Изд. Тифлисского Комитета «Верашинютюн», 1916, с. 4.

поэме и перечисляет пять изданий: Г. Срванцтяна (1874), М. Абеяна (1889), Г. Овсепяна (1892), Б. Халатьянца (1899) и С. Айкуни (1901). К тому времени, однако, существовало гораздо больше публикаций вариантов: их было более двадцати. Но здесь интересно другое: из всех опубликованных вариантов Кулебякин назвал именно те (кроме варианта С. Айкуни), которые использовал Ованес Туманян в своей поэме «Давид Сасунский». Очевидно, это не случайно, и вполне возможно, что именно Туманян и указал Кулебякину на данные варианты. Ведь, как известно, армянского поэта и генерала русской армии связывали дружественные отношения. Приезжая из Вана в Тифлис, Кулебякин бывал гостем в доме Туманяна, беседовал с ним на литературные темы, о чем сохранились свидетельства современников поэта²¹. В этих беседах не могла быть обойдена такая волнующая обоих тема, как духовная культура армянского народа, его фольклор. И правы армянские литературоведы О. Ганалаян и А. Закарян, считающие, что отношение А. Кулебякина к народному творчеству армян сложилось не без влияния Ов. Туманяна²².

Назвав в примечаниях пять вариантов армянского эпоса, Кулебякин при этом уточнил, какой именно фольклорный материал явился непосредственным источником для его поэмы: «Общее содержание этой легенды взято мною из известных на армянском языке печатных текстов, записанных С. Айкуни и Г. Срванцтяном, и слышанных мной кратких рассказов. Эти тексты по моей просьбе лично переводил мне в Ване с армянского старший хранитель Кавказского музея С. Тер-Аветисян, а я записал за ним» (с. 97).

Как показало сравнение текста поэмы Кулебякина с двумя указанными им вариантами, большая часть эпизодов заимствована автором из варианта Саргиса Айкуни²³. В особенности это касается тех эпизодов, которые повествуют о Мгерс Младшем (у Срванцтяна эта часть представлена очень кратко). Из варианта Срванцтяна использованы отдельные сюжетные детали, исторические и географические названия, имена героев. Есть в поэме и эпизоды, отсутствующие в указанных вариантах, возможно они взяты из устных преданий, которые Кулебякин также называет в качестве источников своей поэмы, или явились плодом воображения поэта. Например, мотив любви Давида к грузинской царевне Нине (по-видимому, он появился на основе из-

²¹ Дереник Демирчян в своих воспоминаниях о Туманяне пишет: «К нему приходил то ли полковник, то ли генерал Кулебякин, который на Ванском фронте начал знакомиться с армянскими древностями и с армянами, стал писать поэмы о жизни Вана». А вот что вспоминает Джалал Тер-Григорян: «У Туманяна я часто встречал и генерал-майора А. П. Кулебякина, который командовал дивизией, а затем корпусом на Кавказском фронте, в районе Вана. Он был одновременно и поэтом: написал поэму «Дверь Мгера» и стихотворения под общим заглавием «Отзвуки Вана», которые вышли в свет отдельным сборником. Он часто бывал у Туманяна, конечно, не как генерал, а как поэт. Кулебякин очень высоко ценил нашего поэта, относился к нему с сердечным уважением и свою поэму «Нана» («Ахлатская поэма», которая была опубликована в батумском сборнике «Джейран») посвятил ему. Беседы с Александром Кулебякиным носили чисто литературный характер». — свидетельствует Д. Тер-Григорян, назвав и некоторые темы происходящих в его присутствии бесед: Пушкин, туманянолюбовский перевод «Утопленника» «Слово о полку Игореве»... См. сб. «Թումանյանը ժամանակակիցների հուշերում» Եր., 1969 թ., էջ 409:

²² См.: О. Ганалаян. Армен в творчестве русских поэтов. Ереван, 1988, с. 21; Ա. Զաքարյան, Ռուս գրողները Անդրկովկասում և հայ գրական կյանքը (1914—1920), Եր., 1984, էջ 186:

²³ Это вариант С. Айкуни на мококом диалекте был напечатан в Эминовском этнографическом сборнике (изд. Московского Лазаревского института восточных языков), 1901, т. II.

вестного эпизода эпоса о том, как Давид едет в страну Гюрджистан с целью найти невест для женихов Хандут). Заметим, однако, что сюжетное сплетение выбранных автором эпизодов не стало чем-то художественно цельным, единым и не дало высокого творческого результата. И дело не в том, что, как отмечает С. Городецкий в своей рецензии на книгу Кулебякина, «поэт нарушил единство времени: он сначала описывает ванский памятник как он есть, потом переносит читателя в древность, показывая самый процесс этого перехода. ...Надо было, — продолжает Городецкий, — сразу и решительно ввести читателя в древность и рассказать легенду изнутри ее, а не снаружи»²⁴. Вряд ли, однако, правомерно вменить в вину автору выбор того или иного композиционного приема: ведь он создает собственное произведение и волен обращаться с фольклорным материалом по своему усмотрению. И дело не в изобразительном приеме, а в том, что поэма слаба как произведение искусства, лишена художественной цельности. Здесь уже нельзя не согласиться с С. Городецким, который пишет: «Вторая ошибка в том, что поэт рассказал поэму не как связанное цельное повествование, а в виде ряда стихотворений — всего 33 части. Эти мелкие части, кроме того, написаны разным размером». Добавим, что они написаны и в разном, а порой и взаимоисключающем стилистическом ключе. Так, следующие строки в начале поэмы:

И наслоения веков
Живут бессмертными следами
В легендах древних уголков,
Покрытых мирными садами...
(с. 5)

настраивают читателя на эпическое восприятие текста. Но далее, к примеру, во второй части поэмы, встречаются откровенно слащавые, романсно-сентиментальные строки, никак не вяжущиеся с тем стилистическим настроением, который был задан вначале:

Фонтаны нежно бормотали,
И розы прятались в тени,
И с неба темного слетали
Падучих звездочек огни.
(с. 19)

А. Кулебякин не был профессиональным поэтом... Тем не менее, его поэма согрета искренним чувством автора, проникнувшегося действиями и судьбами армянских эпических героев. Даже С. Городецкий, столь критически отнесясь к «Двери Мехера», не преминул отметить: «Несомненно воодушевление автора своей темой; он пережил ее, вдумался в нее, и оттого в поэме есть сильные места». Этим воодушевлением отмечено и предисловие Кулебякина к поэме, написанное в едином вдохновенном порыве, где он выражает свое восхищение устной эпической поэзией армян: «Эта поэзия, иногда младенчески грубая в своих описаниях, дышит хрустальной ясностью неиспорченного воображения, жизненностью картин и бессознательно глубоким проникновением в таинственную сущность грозных сил природы...» (с. 3). Эти искренние чувства, как и все, что связало Александра Кулебякина в какой-то период его жизни с Арменией, которую он назвал «древней страной, оваянной дыханием неразгаданной красоты» (с. 43), с ее прошлым и настоящим, с ее древней и новой культурой²⁵, — достойны сегоднего нашей памяти и признательности. И хотя поэма «Дверь Мехера»

²⁴ «Кавказское слово», Тифлис, 1916, № 175.

²⁵ Подробнее о литературной деятельности А. Кулебякина в годы его пребывания в Закавказье и в Западной Армении см. в указанной книге А. Закарян, с. 134—140.

сохраняет сегодня лишь свое историко-литературное значение, — в годы первой мировой войны, повторяем, она имела общественный резонанс. «Для читателя поэма, — писал в своей рецензии С. Городецкий, — представит большой интерес, особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению».

Մ. Գ. ԶԱՆՓՈՂԱԴՅԱՆ— «Սասունցի Դավիթ» էպոսը ռուս գրականության մեջ (առաջին հրատարակումները և արձագանքները).— Հոդվածում քննության են առնված «Սասունցի Դավիթ» էպոսի ռուսերեն թարգմանությունները և գրական մշակումները 1881 թ.-ից մինչև 1916 թ.: էպոսի մասին ռուսական պարբերականներում տպագրված հայ և ռուս գիտնականների կարծիքները, գրախոսություններն ու հետազոտությունները ներկայացված են ժամանակակից էպոսագիտության դիրքերից: